

СОТРИ СЛУЧАЙНЫЕ ЧЕРТЫ (Экономические загадки страны троллей)

А.А. Шапошников

Новосибирский государственный
университет экономики и управления

*Что есть на земле, все стремятся укрыть
Снега в бесконечном посеве....
Представьте себе, что возможно любить
Страну под названием Север.*

Ю. Визбор

В статье автор останавливается на некоторых особенностях экономической жизни Норвегии, которые позволяют ей уже много лет держать первое мест в мире по уровню жизни.

Ключевые слова: энергетическая супердержава, социализм с человеческим лицом, образ жизни.

Север навсегда остался неизбывной, бесконечной любовью Юрия Визбора. О нем он снимал фильмы, делал радиопередачи, писал очерки и конечно сочинял песни: вспомним «город Мурманск, то есть Мурманск!» А вот в Норвегию попасть ему не пришлось, хотя и очень хотелось, об этом он сам мне рассказывал. Норвегия – страна загадочная, она стала независимой чуть больше 100 лет, когда вышла из Кальмарской унии, где многие сотни лет подчинялась то Дании, то Швеции. За последние 20 лет Норвегия превратилась в энергетическую супердержаву и северную турбазу Европы. Статистика норвежских реалий поражает: добыча нефти более

100 млн тонн в год (1-е место на душу населения), 1-е место на душу населения и по производству электроэнергии, причем 80 % ее экспортируется. А еще лес, 1 млн тонн стали, почти столько же алюминия, еще рыба и морепродукты, судостроение. И везде первые места, начиная с ВВП на душу населения, средней зарплаты и наивысшей продолжительности жизни наряду с Японией. Не случайно король Харальд V, вступая на престол 30 лет назад, до того королем почти 40 лет был его отец Улаф V, выдвинул лозунг: «Все для Норвегии!». Социальные достижения Норвегии впечатляют: бесплатное образование, включая университетское, бесплатное медицинское об-

служивание, в том числе и сложнейшие операции. Правда, все это только для коренных норвежцев, а их 96 % населения. Видимо, в организации такого жизнеустройства королю помогают вездесущие норвежские тролли. Они могут быть и великанами, и карликами и помогают людям, только если человеческие поступки отвечают их устремлениям. Видимо, королевские поступки Харальда V отвечают их пожеланиям. В марте 2011 года я участвовал в совместном семинаре Норвежского Совета по бухгалтерским стандартам и Северо-западного территориального института профессиональных бухгалтеров России по региональным проблемам развития бухгалтерского учета и аудита. Мне предстоял доклад с вызывающим названием «Пространство совести бухгалтера». Я попросил помощи у очередного тролля, встречающего студентов у дверей университета в Осло, где и проходил семинар. Доклад ранее был переведен на английский, сейчас его переводят на норвежский, ибо тема коллег заинтересовала, поскольку вся Норвегия, похоже, очень озабочена и вопросами этики и экологии.

Норвегия страна монокультурная, моноязычная и мононациональная. Хотя английский язык там очень распространен, даже в провинции. Но вот надписей на английском нигде не встречается, разве только в аэропорту. На слух норвежский тоже не воспринимается, напрасно ловишь знакомые корни или словосочетания, их нет. Если голландский язык, как считается, придумал пьяный немецкий капитан, выброшенный штормом на берег в устье реки Амстел (и с тех пор там много германоязычных слов), то в норвежском не встретишь ни следа финского, швед-

ского или датского, а ведь это все языки викингов.

Помню, стоим мы с коллегами из Петербурга во время кофе-брейка на конференции вместе с тремя норвежскими профессорами. А рост у норвежцев значительно выше средневропейского. Стоят плечом к плечу эти высокие русоволосые загорелые скандинавы, старшему далеко за 80! Так что я не мог не прочесть им Гумилева:

О, да, мы из расы завоевателей древних,
Вздымавших над Северным морем
широкий крапешный парус,
И прыгавших с длинных струтов
На плоский берег норманнский,
В пределы старинных княжеств
пожары внося и смерть!

Норвежцы были заворожены ритмом и суровостью этих строк. Переводчица как смогла перевела их английской прозой. И самый молодой, Олаф Ларсен, спросил меня, кто автор? Я ответил: «Николай Гумилев». Он жив еще? – Нет, его расстреляли в 1921 году. После недолгого молчания Ларсен заметил: «Видимо, это в русской традиции: поэтов либо убивают на дуэлях, либо расстреливают!» Коллеги оказались начитанными, они знали и Пушкина, и Лермонтова, и, конечно, Толстого с Достоевским. Вообще норвежцы (все – от дворника до профессора) производят очень достойное впечатление. Надо сказать, и дворники, и мусорщики, и носильщики, даже горничные в отелях – норвежцы! За 10 дней я не встретил ни одного китайца, вьетнамца или араба – гастарбайтеров там просто нет! А вот норвежки совсем не так замечательны. Когда мы вышли прогуляться по вечернему Осло, по Карл-Юханс-гате, и нас быстрым целеустремленным шагом обогнала очередная норвежская леди в темном бес-

форменном балахоне (может, это мода такая?), я вспомнил спектакль театра на Таганке «Деревянные кони» по Федору Абрамову (тоже, кстати, про русский Север): там отец, в блестящем исполнении Виталия Шаповалова, поучает сына: «Сынок, запомни! Девку надо выбирать такую, чтоб спереди баба, а сзади – лошадь!» (зал в ответ загремел аплодисментами). Норвежки, безусловно, соответствуют таким критериям. Потом в Гранд-кафе, где в разных углах тоже сидели задумчивые тролли, мы никак не могли очароваться прекрасной половиной присутствующих. Половина была, но назвать ее прекрасной не решился бы даже сам Эдвард Мунк, самый знаменитый норвежский художник. Именно его огромная фреска, переполненная знаменитостями, украшает стену этого кафе. Вообще, знаменитостей в Норвегии, как считают знатоки, например Петер Вайль, несоразмерно много. Скажем, в ближней Дании, которую Норвегия активно снабжает электроэнергией, знаменитостей всего трое: сказочник Андерсен, философ Кьеркегор, астроном Тихо Браге. А норвежцев можно пересчитывать многими строками: тут и Фритьоф Нансен, и Эдвард Григ, и Генрик Ибсен, и Эдвард Мунк, и Тур Хейердал, и Кнут Гамсун и т. д., и т. п. В Норвегии есть даже два лауреата Нобелевской премии по экономике, не говоря уже о лауреатах Нобелевской премии мира, которая и вручается в Осло. Когда идущая перед нами очередная норвежка, услышав незнакомую речь, оглянувшись, улыбнулась, я сразу вспомнил Мунка: «Улыбка женщины – это улыбка смерти!» Так называлась одна из его картин. Женщин он боялся и не любил. Первая картина Мунка, в 1908 году купленная казной, называлась «На следующий день» (женщина после бурной ночи), вызвала страшный скан-

дал: газеты писали «Доколе пьяным проституткам Мунка будет разрешено отсыпаться с похмелья в государственном музее?». В России чуть раньше случилось подобное с картиной Валентина Серова «Девушка, освещенная солнцем», приобретенной П.М. Третьяковым для своей галереи. Узнав об этом, великий критик Владимир Стасов спросил Третьякова: «С каких это пор, уважаемый Павел Михайлович, вы стали прививать в своей галерее сифилис?!» (Ибо у девушки светились от листвы зеленые тени на лице!) Теперь и Эдвард Мунк и Валентин Серов – гении!

Недавно в Новосибирске завершилась выставка постмодернистской графики, где Мунк наряду с другими великими XX века (Дали, Шагалом, Пикассо) был представлен немалым числом графических работ. Эти работы ясно показали, что Мунк линию предпочитал цвету. Глядя на его работы, и не только графические, опять вспоминаешь Визбора:

А за окнами Арктика, бесконечные льды...
Черно-белая графика невеселой воды.

Эту черно-белую графику я увидел воочию, когда вечером поехал в Хемседал, самый большой норвежский горнолыжный курорт. Дневной Осло я так и не разглядел, хотя и ночью было ясно, что это достаточно тихий, почти запятанный город с населением чуть меньше Барнаула. В дневнике Мунка я нашел такую фразу: «Кто опишет этот русский период в сибирском городке, которым Осло был тогда, да и сейчас?» (Мунк бредил Достоевским, откуда его знаменитый «Крик», и близким севером.) Осло, конечно, сильно уступает великолепию Вены, Лондона или Парижа. Хотя именно этот город наряду с близким Стокгольмом стал когда-то пионером все-

мирной сексуальной революции. В центре Осло раскинулся немалый парк Вигеланд, где 113 скульптурных групп представляют самое разнузданное буйство плоти. Даже в ночном освещении – впечатление неприлично-жутковатое. «В России у входа в такой парк обязательно поставили бы табличку “Детям до 16!”», – сказал я норвежским коллегам. Они удивились: «А что тут неприличного? Что естественно, то не безобразно!» Даже в глухой провинции такая простота нравов несколько смущает.

А вот с алкоголем дела значительно строже. В Норвегии уже лет 20 действует полусухой закон. Даже в Осло купить бутылку вина или виски – испытание, не сказать унижение: в редких магазинах «Vinmonopolet» алкоголь продается до пяти, в выходные все закрыто! В первый же день катания я случайно нарушил писанные норвежские законы. В одном из трех кафе на огромной горе (всего кафе там больше 10), именно там, где подавали пиво (пиво в Норвегии отвратительное), я взял бокал и устроился в шезлонге под пледом на ярком солнышке, как это и принято у нас, в наших Альпах. Приятную дрему мою прервал настойчивый стук по столу, где стоял мой бокал. Два гвардейца в темных мундирах с блестящими нашивками что-то говорили мне по-норвежски и указывали на надпись на столе, тоже, конечно, на норвежском «Алкоголь запрещен!» Такие надписи в Норвегии на всех столах, что стоят на свежем воздухе, в столице, в провинции, в горах, на берегу. Я начал клясться и божиться на английском, что сию минуту прилетел из России и умираю от жажды. Меня проводили в бар и милостиво погрозили пальцем. А штраф, между прочим, за такую мелочь – 200 крон = 1000 рублей. Очень освежает. Меня простили, может быть, из-

за хорошего отношения к России: норвежцы помнят о том, что русские освобождали их от фашистов, брали Киркенесс. В Норвегии есть памятники советским воинам-освободителям, и за ними прилично ухаживают и не требуют денег от России! А может быть, полицейским просто было лень: обязательность и дисциплина – не самые главные черты норвежцев. Автобусы могут опаздывать или уезжать ранее указанного в расписании срока, служащие закрывают офисы раньше положенного времени. В отличие от японцев, норвежцев нельзя назвать трудоголиками. Когда я с друзьями заказал такси в аэропорт, машина пришла на 15 минут позже заказанного времени, и водитель на все претензии лениво отвечал: «No problem!» Поезд, на котором мы ехали из Гуля в Мюрдаль, смотреть фьорды, опоздал на час, и это ничуть не волновало ни железнодорожных служащих, ни правверных норвежцев. Они сохраняли ледяное спокойствие и умеренный оптимизм. Вообще, спокойствие, похоже, главная черта характера жителей этой северной страны. Может быть, в основе его прочный фундамент полезных ископаемых, которых в Норвегии видимо-невидимо (и нефть, и газ, и железная руда, и молибден и т. д.)? Там даже регулярно каждому жителю старше 18 лет выплачивается так называемая королевская премия по итогам добычи, продажи и установившейся цены на ресурсы. Каждый норвежец на своей шкуре, вернее, в своем кошельке ощущает состояние дел в сырьевых отраслях. Технологию расчета я еще не выяснил, но норвежскому «социализму с человеческим лицом» можно позавидовать! По списку ООН наиболее предпочтительных для проживания стран Норвегия многие годы неизменно занимает 1-е место. А ведущие политологи считают,

что в стране создана самая эффективная система власти, между прочим – конституционная монархия.

Помню, поезд остановился на очередном разъезде, ожидать встречный состав. А большинство железных дорог в Норвегии – однопутные, и те не слишком загружены, ибо поезда ходят редко, и все разъезды автоматические. На очередной стоянке, среди бескрайнего белого плоскогорья с красивым названием Хардангер, пассажиры степенно прогуливались по ослепительному снегу со следами лыж и снегоходов. Людей действительно в Норвегии почти не видно, но вдоль дорог обязательно бежит лыжня или след снегохода. Недалеко от путей стоял одинокий домик, вернее сказать, полутораэтажный дом, окруженный огромными сугробами, хозяева сидели на скамейке у калитки. И от калитки тоже разбежались лыжные следы: для норвежца, даже преклонных лет, сбегать за хлебом за 20 верст – плевое дело! Они на лыжах рождаются! Я это видел сам на горе в Хемседале, масса детей, начиная с почти грудного возраста, скользили по склонам вместе с родителями! Чаще всего их водили на постромках, не давая разогнаться и, стало быть, травмироваться. Штука, почти не принятая в Альпах или у нас в России. Но эффект налицо! Я подошел к пожилой норвежской чете и поздоровался по-норвежски «Монь хей!» Они кивнули и ответили, в этот момент электровоз призывно засвистел – пришлось попрощаться. После чего мне опять вспомнился Визбор, его знаменитая песня «В Ялте ноябрь»: «Там в далеких норвежских горах, возле избы, где живут пожилые крестьяне, этот циклон родился и, пройдя всю Европу, он, обессиленный, все ж холодит ваши щеки...»

Как же они тут живут в одиночестве? – подумал я. Потом норвежские коллеги объяснили мне, что такая жизнь в порядке вещей. Отопление не печное, а электрическое, вода из скважины, дрова нужны только для камина, а он есть почти в каждом норвежском доме, так же как и сауна. Кстати, вязанка каминных дров, которых в одной руке и две унесешь, стоит 100 крон = 500 руб. Вообще, таких очень одиноких домиков, а вернее сказать домов, даже домищ не в один этаж, немало разбросано по норвежским долинам и горным склонам. Местные жители называют их летними, и снегом они завалены по самые каминные трубы. Иногда даже электричества в них нет, но обязательно есть дизель-генератор, источник воды или скважина. Бывает, и зимой хозяева заезжают, тогда откапывать дом приходится не один час, причем на окнах ни ставень, ни решеток! Одиночество для норвежцев – естественное состояние. Даже во всех путеводителях, начиная с Бедеккера XIX века, написано, что путешествие в Норвегию – это погружение в тишину и безлюдье. Только природные шумы: водопады, ветер, горные реки, прибой. В Норвегии 1200 водопадов! (В Швейцарии – 140). Зимой они превращаются в фантастические замерзшие реки. Когда едешь по Фломской железной дороге (7-е чудо света, на протяжении 20 км поднимается от уровня моря до 900 м!), не успеваешь смотреть по сторонам: наверху 400-метровые стены с замерзшими водопадами, внизу бездонные пропасти. Согне-фьорд в конце пути поражает еще больше: он самый большой в Норвегии – 205 км! У небольшого причала стоял паром (через фьорды практически нет мостов, только паромы – король запретил строить, чтобы не портить пейзаж), несколько прогулочных катеров.

Я спросил норвежца в капитанской фуражке, какова глубина у причала? «70 метров, – невозмутимо заметил загорелый капитан с лицом викинга. А там дальше, – он протянул руку, – 450 метров, у выхода фьорда в Норвежское море глубина 4300 м!» Легкая скандинавская жуть охватила присутствующих. Если учесть еще, что над поверхностью зеленой бездонной воды поднимались 400–600-метровые скальные стены с замерзшими водопадами. Замерзшие водопады встречались нам даже в катальных горах в Хемседале, когда приходилось спускаться по нехоженой норвежской целине

по некатаным ранее мульдам и кулуарам. Ради таких спусков не лень было тащиться с лыжами на плечах от верхней станции подъемника к месту старта порой 30–40 минут. А вокруг неутомимо бушевал норвежский март, довольно прохладный и очень солнечный. Вот почему здесь опять вспоминался слегка перенначенный Визбор:

Забудутся песни и споры,
Но там, где мы шли на подъем,
Вот эти норвежские горы
Останутся в сердце моем!